7/804

1804

Р. МЕЧЪ.

ЗАСТИГНУТЫЕ ВОЙНОЙ

(РУССКІЕ ТУРИСТЫ ВЪ 1914 ГОДУ).

ИЗЪ ЦИКЛА: «ВОЙНА»

(СТИХОТВОРЕНІЯ).

Цѣна 20 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
МОСКВА, Петровка, 17,
типографія «МЫСЛЬ».

Менделевич, Р. А.
804

Р. МЕЧЪ

ЗАСТИГНУТЫЕ ВОЙНОЙ

(Русскіе туристы въ 1914 году)

ИЗЪ ЦИКЛА: „ВОЙНА"

СТИХОТВОРЕНІЯ

МОСКВА.
1914.

Государственная публичная
историческая
библиотека РСФСР
1343529 VV

Тип. и цинк. «МЫСЛЬ», Москва, Петровка, 17.

Желѣзное кольцо войны, охватившее Европу,—отрѣзало неожиданно отъ родины около 40,000 русскихъ гражданъ, жившихъ на нѣмецкихъ, австрійскихъ и бельгійскихъ курортахъ.

И, какъ затравленные звѣри, они стали метаться изъ стороны въ сторону, ища пути на родину...

Вмѣстѣ съ тысячами соотечественниковъ «метался» и я, по счастью, «застрявшій» не въ Германіи, а въ Бельгіи, на побережьѣ Сѣвернаго моря, въ Хейстѣ.

Мы совершили тяжелый, полный лишеній путь по слѣдующему маршруту: Антверпенъ — Брюссель—Остенде—Лондонъ — Ньюкастль — Бергенъ — Христіанія — Стокгольмъ — Раумо — Петроградъ — Москва.

Мы валялись въ корридорахъ вагоновъ, въ трюмахъ пароходовъ, голодали по нѣсколько сутокъ, дрожали отъ холода, проводя безсонныя ночи на палубахъ въ открытомъ морѣ...

Но мы все-таки можемъ называться «счастливцами», потому что не «попробовали» Германіи.

И все нами перенесенное можетъ показаться только шуткой въ сравненіи съ тѣмъ, что переиспытали тѣ несчастные русскіе, которые «застряли» въ Германіи.

Поэтому-то я въ этихъ запискахъ и не намѣренъ говорить о нашихъ субъективныхъ ощущеніяхъ.

Но очень любопытно остановиться на настроеніяхъ тѣхъ странъ, черезъ которыя намъ пришлось проѣхать, на той «атмосферѣ войны», которая окружала насъ въ теченіе тѣхъ двухъ недѣль, въ которыя мы пробирались въ Россію.

Остенде-Лондонъ.

Я и еще нѣсколько десятковъ русскихъ проводили прекрасно время на одномъ изъ морскихъ бельгійскихъ курортовъ. Въ отеляхъ, гдѣ мы жили, было также очень много нѣмцевъ съ женами и даже съ дѣтьми. Нѣмцы были съ нами всегда любезны и предупредительны. Мы цѣлыми компаніями гуляли по набережной, на пляжѣ, засиживались за столиками въ кафе. Извѣстіе о бомбардировкѣ австрійцами Бѣлграда не произвело здѣсь особенно сильнаго впечатлѣнія. Мы еще, шутя, спрашивали нѣмцевъ:

— А вы не собираетесь воевать вмѣстѣ съ Австріей?

На что, попыхивая сигарой, одинъ нѣмецъ отвѣчалъ:

— О, зачѣмъ-же? Да и этотъ австрійско-сербскій конфликтъ, повѣрьте, въ нѣсколько дней уладится!

И вдругъ, въ одинъ прекрасный

день наши курортные нѣмцы сразу всполошились, стали спѣшно укладываться и покидать курортъ.

Намъ, русскимъ, это обстоятельство показалось очень подозрительнымъ.

— Почему вы это такъ неожиданно уѣзжаете?—спрашиваемъ нѣмцевъ изъ нашего отеля, при насъ посылавшихъ за билетами на вокзалъ.

— Торговыя дѣла требуютъ. У насъ, въ Германіи, уже осенній сезонъ скоро начинается, нужно къ нему приготовиться!

— А, можетъ быть, Германія воевать собирается? Можетъ быть черезъ Германію въ Россію проѣхать нельзя будетъ? Вы ужъ скажите намъ, по чистой совѣсти!

Нѣмцы только руками отмахивались.

— Что вы,что вы! Какая война! Германіи ни съ кѣмъ сейчасъ воевать не надо! Нѣтъ, вы можете спокойно здѣсь жить, сколько хотите. Да и мы не уѣхали-бы, если-бы не дѣла. Такая дивная погода! Такое великолѣпное море!

Мы и сидѣли на курортѣ совершенно спокойные, а нѣмцы уѣхали.

И вдругъ насъ, какъ громомъ, поразила вѣсть, что Германія объявила войну Россіи... И передъ нами закрылись всѣ ближайшіе пути на родину.

А послѣ мы узнали отъ хозяйки отеля, что нѣмцы получили приказъ немедленно явиться въ запасныя части. Слѣдовательно, они великолѣпно знали, что начинается война, и, при желаніи, могли-бы насъ предупредить, чтобы мы тоже уѣзжали. Но они нарочно скрывали, зная, какія это для насъ будетъ имѣть послѣдствія. Это даже не коварство, а просто умышленное предательство! Теперь мы только оцѣнили всю «искренность» нѣмецкой дружбы. Вѣдь предупреди они насъ,—мы были-бы избавлены отъ цѣлаго ряда мытарствъ и лишеній!

Толпа «застрявшихъ», объятая отчаяніемъ, устремилась на вокзалъ.

Но куда бѣжать?

И у всѣхъ вырывается одинъ и тотъ же возгласъ:

— Лондонъ! Это теперь самый безопасный пунктъ!

Осаждается касса.

— Билетъ до Лондона!

— Можемъ выдать только до Остенде... Не имѣемъ свѣдѣній, есть ли пароходы на Дувръ...

И вотъ—биткомъ набитый поѣздъ, и мучительная мысль:

— А вдругъ уже нѣтъ сообщенія и съ Лондономъ?...

Этого этапа Остенде-Лондонъ никогда не забудутъ тѣ тысячи русскихъ, которымъ пришлось его совершить.

Тѣ, которыхъ война захватила въ Бельгіи, отрѣзавъ имъ прямой путь на родину, и оставивъ имъ только одинъ выходъ:

Черезъ Лондонъ!

Въ Остенде бросились не одни русскіе. Было много французовъ и англичанъ, проводившихъ время на бельгійскихъ морскихъ курортахъ, сосѣднихъ съ Остенде,—Бланкенбергѣ, Хейстѣ и Кнокѣ.

Жизнь на этихъ курортахъ совершенно замерла въ какихъ-нибудь два-три дня.

Словно пронесся ураганъ и превратилъ оживленныя мѣстности въ пустыню.

Въ Остенде, когда мы, измученные и усталые, пріѣхали туда изъ Антверпена,—функціонировали всего двѣ гостиницы, да и въ этихъ намъ объявили:

— Завтра мы закрываемся! Больше одной ночи вы у насъ ночевать не сможете!

Набережная пуста, магазины закрыты. Съ пляжа убраны всѣ кабинки: неожиданно законченъ сезонъ, которому по-настоящему, сейчасъ долженъ былъ-бы быть самый «разгаръ».

Но всей этой массѣ «бѣглецовъ» было не до пляжа и не до отельныхъ удобствъ. Предъ всѣми вставалъ только одинъ мучительный вопросъ:

— Отходятъ ли пароходы, можно ли будетъ достать на нихъ мѣсто?

Съ поѣзда устремились не ночлега искать, а на пароходную пристань.

Тамъ узнали:

— Путь небезопасенъ. Можно натолкнуться на германскія суда.

— Какъ пойдутъ пароходы? На Дувръ?

— Нѣтъ, на Фолькстонъ. Дувръ минированъ и доступъ пароходамъ туда прекращенъ.

Билеты выдавали всѣмъ, у кассъ— давка.

Носильщики предупреждали:

— Завтра надо пораньше явиться на пристань! Легче попадете!

Но такъ хотѣлось легче попасть, что многіе предпочли провести ночь тутъ-же, въ этомъ громадномъ изъ камня и стекла выстроенномъ пароходномъ «вокзалѣ».

Размѣстились на сундукахъ и чемоданахъ. Мужчины и женщины, юноши и матери съ дѣтьми на рукахъ...

Настроеніе подавленное, удрученное. Ѣдутъ въ Лондонъ, «закрывъ глаза», не зная, что будетъ дальше.

Многіе—безъ денегъ. Послѣдніе бельгійскіе франки истратили на билеты, а съ нѣмецкими бумажными «марками»—все равно, что безъ денегъ: нигдѣ не мѣняютъ, нигдѣ не берутъ!

Сравнительно спокойны только англичане: они, вѣдь, какъ-никакъ, ѣдутъ къ себѣ домой!

Здѣсь немало русскихъ, состоящихъ въ запасѣ арміи. Почти всѣ они—евреи.

— Мы работали на заводахъ въ Брюсселѣ и Гентѣ. — говоритъ одинъ изъ нихъ. А теперь родина требуетъ насъ къ себѣ, и мы ѣдемъ, чтобы вмѣстѣ со всѣми пойти на общаго врага!...

...Этотъ кашмаръ начался съ семи часовъ утра.

На пристани, въ томъ мѣстѣ, гдѣ должны быть перекинуты пароходные мостки—несмѣтная толпа народа, которая съ каждой минутой все увеличивается.

И всѣ нагружены ручнымъ багажемъ, держать который при себѣ стоитъ большихъ усилій.

Приходится стоять «плечемъ къ плечу». Женщины, совсѣмъ ослабѣвшія отъ безсонной и тревожной ночи, держатъ на рукахъ дѣтей...

Время тянется мучительно долго. Скоро девять, а парохода еще нѣтъ. А толпа все прибываетъ.

Является нѣсколько солдатъ «для поддержанія порядка». Но что они могутъ сдѣлать въ этой тысячной толпѣ, гдѣ идетъ отчаянная борьба за каждый шагъ, гдѣ каждый стремится «попасть первымъ?»

Наконецъ, — вотъ она, долго ожидаемая минута!

Медленно подвигаясь по каналу, къ пристани подходитъ пароходъ.

Начинаютъ готовить мостки. Толпа напираетъ еще сильнѣй... Каждая минута кажется вѣчностью.

— Сейчасъ начнутъ пускать — кричитъ кто-то въ толпѣ.

И вдругъ... пароходъ пятится назадъ! И съ него кричатъ, что посадка будетъ вонъ тамъ, у того конца пристани!

Паническое бѣгство «туда». Люди сшибаютъ другъ друга съ ногъ, въ воздухѣ слышатся проклятія и крики женщинъ и дѣтей. Многіе по дорогѣ теряютъ свой багажъ, но развѣ мыслимо броситься назадъ, чтобы поднять его?

Наконецъ, мостки положены. Хлынула человѣческая волна.

Вы видали въ синематографахъ инсценировку паники во время гибели «Титаника»?

Нѣчто подобное вы могли-бы видѣть во время этой посадки народа на пароходъ въ Остенде.

Стиснутый со всѣхъ сторонъ, вертясь въ этомъ водоворотѣ человѣческихъ тѣлъ, почти лишаясь сознанія, я невольно думалъ:

— Человѣкъ человѣку—волкъ!

Каждый думаетъ только о себѣ. Если вамъ дорогу преградила женщина съ ребенкомъ—долой ее!..

Раздирающій душу плачъ... Истерики... Какая-то женщина вопитъ:

— Моя дѣвочка! Отдайте мнѣ мое дитя!

Сѣдой господинъ бьется, съ пѣной на губахъ, въ припадкѣ, и его, вырвавъ изъ этой «каши», относятъ въ сторону.

И вдругъ преграждаютъ входъ на мостки! Капитанъ съ мостика кричитъ:

— Больше на бортъ нѣтъ возможности никого принять! Сейчасъ будетъ другой пароходъ!

И уже гудокъ, и уже пароходъ отрывается отъ каменнаго мола!

— Пустите меня! Моя жена тамъ!— раздается душу раздирающій крикъ, и кто-то кидается съ мола въ воду и, вплавь, догоняетъ медленно поворачивающійся пароходъ.

Въ толпѣ—крикъ ужаса, господину, кинувшемуся съ мола, — съ нижней палубы бросаютъ канатъ, за который онъ судорожно хватается...

И опять минуты томительнаго ожиданія, и опять, когда подходитъ второй пароходъ, — та же картина, какъ и при отходѣ перваго.

Я оказался въ числѣ пассажировъ второго парохода.

Я не помню, какъ очутился на борту, только, какъ сквозь пленку, видѣлъ, какъ мою жену, впавшую въ обморокъ, солдатъ буквально «вырвалъ» изъ толпы, втащилъ на палубу и опустилъ въ соломенный лонгшезъ...

...Пароходъ нашъ отошелъ, и я сталъ оглядываться.

И мнѣ показалось, что я—въ плавучемъ дантовомъ аду...

Людьми усѣяна вся палуба, всѣ лѣстницы, каждый вершокъ свободнаго пространства. Отъ верхней палубы до темнаго, сырого трюма...

Большинство не ѣло уже вторыя сут-

ки. Внизу, въ столовой, идетъ «штурмъ», но мало счастливцевъ, которымъ удается «завоевать» кусокъ хлѣба или добиться чашки кофе...

Одна дама, на нѣмецкомъ языкѣ, молитъ:

— Ради Бога, дайте мнѣ кофе! Я умираю отъ голода!

Бросившійся на крикъ офиціантъ, услыхавъ нѣмецкую рѣчь, дѣлаетъ звѣрское лицо и кричитъ дамѣ:

— У насъ для нѣмцевъ нѣтъ кофе!

Открытое море. Качаетъ сильно. Всѣ тревожно смотрятъ на горизонтъ: не покажется-ли нѣмецкое судно?

Проходитъ пять мучительныхъ, незабываемыхъ часовъ. И вотъ, наконецъ,— берега Англіи!

Все ближе и ближе... Проплыли мѣловыя скалы Дувра: мы подходимъ къ Фолькстону.

Пристали. Съ высокой эстокады насъ привѣтствуетъ криками тысячная толпа. Англичане съ палубы махаютъ шляпами. Сверху бросаютъ газеты, оповѣщающія объявленіе войны Англіей Германіи.

Съ парохода не выпускаютъ больше часа. Объясняютъ причину:

— Поѣзда не увезли еще публику съ перваго парохода!

Наконецъ, мостки переброшены, и мы начинаемъ выходить на англійскій берегъ.

Поверхностный таможенный осмотръ багажа, и опять паническое бѣгство, чтобы «захватить поѣздъ».

Но далеко не всѣмъ удается попасть въ первый поданный поѣздъ. Остается ждать слѣдующихъ, которые подаются безъ замедленія.

Поѣздъ увозитъ насъ измученныхъ, еле живыхъ. Въ каждомъ купе по пятнадцати человѣкъ, заняты всѣ корридоры и даже уборныя...

А впереди—этотъ «городъ городовъ», это міровое чудовище—Лондонъ!

Что ждетъ насъ тамъ, усталыхъ, измученныхъ, безъ денегъ, безъ знакомствъ? Будетъ-ли для насъ кровъ на сегодняшнюю ночь?

Мысли притупляются... Стараешься ни о чемъ не думать.

А сердце щемитъ тоска о далекой, сейчасъ такой далекой, родинѣ!..

Когда вернемся мы туда?..

Въ Лондонѣ.

Поѣздъ пришелъ часовъ въ 10 вечера и выбросилъ на вокзалъ Чарингъ-Кроссъ около тысячи русскихъ «бѣглецовъ».

Большинство попало въ міровой городъ въ первый разъ, и... съ нѣмецкими деньгами въ карманѣ!

И сейчасъ же всталъ неотвязный вопросъ:

— Куда же сейчасъ, съ вокзала? Гдѣ найти себѣ ночлегъ въ эту ночь?

И поѣхали «на ура» по отелямъ. Не станутъ же у людей, которые явились съ багажемъ, требовать деньги впередъ?

А завтра... завтра, что Богъ дастъ. Вспомнилась своя родная поговорка: «Утро вечера мудренѣе»...

Людей «съ багажемъ» въ отели пустили. Но тѣмъ, которые пріѣхали «налегкѣ», пришлось очень трудно.

И въ гостиницахъ, и въ меблированныхъ комнатахъ съ нихъ требовали «деньги впередъ».

Не владѣя англійскимъ языкомъ, объяснялись «пантомимой», но многіе, по счастью, наталкивались на улицахъ на русскихъ, живущихъ постоянно въ Лондонѣ.

Тѣ какъ-то сразу узнавали «земляковъ». Должно-быть, по ихъ растерянному виду. И сейчасъ же старались, чѣмъ можно, облегчить ихъ положеніе.

— Вы русскій? Языкомъ не владѣете? Вы ищете, вѣроятно, комнату? Пойдемте, я вамъ покажу очень дешевую!..

Мнѣ удалось пристроиться «на ночлегъ», только благодаря тому, что у меня оказался золотой въ 20 марокъ: золото всегда имѣетъ цѣну, будь оно даже «вражеское».

Пріѣхали мы въ Лондонъ какъ-разъ въ день объявленія войны Англіей Германіи.

Весь залитый огнями, Лондонъ кипѣлъ. По улицамъ двигались манифестаціи съ пѣніемъ народнаго гимна «Богъ да хранитъ короля»...

Проносились автомобили, буквально «обсыпанные» волонтерами, которые, размахивая фуражками, что-то кричали...

Лондонъ, замирающій всегда послѣ 11-ти часовъ ночи,—въ эту ночь совсѣмъ не ложился спать.

Въ Лондонѣ мнѣ пришлось «застрять» на 8 дней. Было достаточно времени понаблюдать этотъ величайшій въ мірѣ городъ, въ дни войны...

Извѣстіе о войнѣ столица Англіи приняла съ энтузіазмомъ, съ глубокой увѣренностью въ побѣдѣ, ни на секунду не теряя свойственнаго англичанамъ хладнокровія.

Наружно жизнь столицы нисколько не измѣнилась.

То же море людей, экипажей, автомобилей, омнибусовъ, трамваевъ, въ Сити то же торговое напряженіе, тѣ же, сверкающія огнями, иллюзіоны.

И, въ то же время, спокойный, планомѣрный ходъ мобилизаціи.

Ежедневно десятки тысячъ волонтеровъ становятся «подъ знамена».

Въ газетахъ—восторженные призывы къ населенію, правительственныя объявленія, что требуются столько-то офицеровъ, и подъ каждымъ объявленіемъ неизмѣнное:

«Богъ да хранитъ короля».

Банки закрыты, но нѣтъ никакой растерянности.

Газеты полны успокоительными завѣреніями, что цѣны на продукты первой необходимости не поднимутся, что правительство будетъ само устанавливать цѣны, и не допуститъ брать дороже. Произвольное поднятіе цѣнъ будетъ строго преслѣдоваться.

Ненависть противъ Германіи достигаетъ апогея. Въ газетахъ Вильгельма иначе не называютъ, какъ «бѣшеной собакой».

Нѣмецкіе и австрійскіе подданные объявляются военно-плѣнными. Но ни одного случая насильственныхъ эксцессовъ по отношенію къ нимъ со стороны толпы.

— Ради Бога, не говорите ни на улицѣ, ни въ трамваѣ со мной по-нѣмецки!—предупреждаетъ меня тотъ знакомый русскій, который пріютилъ насъ въ своей квартирѣ.

Что касается отношенія англичанъ къ русскимъ—то оно изумительное.

Пріѣхавшихъ русскихъ, наполнившихъ въ эти дни Лондонъ, узнаютъ почему-то сразу.

И сейчасъ же въ глазахъ англичанъ зажигаются искорки сочувствія... Вокругъ группы русскихъ собирается толпа, и тѣ, которые владѣютъ англійскимъ языкомъ, не успѣваютъ отвѣчать на массу вопросовъ, и получаютъ совѣты, какъ отсюда въ Россію ѣхать, какой безопаснѣй путь.

Интересную картину представляли собою громадные парки Лондона въ эти дни.

Съ утра до ночи въ нихъ обучаются «новички», вступившіе въ армію.

Снявъ пиджаки, въ однихъ жилетахъ, они маршируютъ, продѣлываютъ рядъ военныхъ эволюцій.

Молодыя загорѣлыя лица горятъ рѣшимостью, забыты всѣ обыденныя дѣла, и всѣ они ждутъ не дождутся примкнуть къ рядамъ арміи.

А по улицамъ двигаются уже совсѣмъ готовыя мобилизованныя части, въ своихъ скромныхъ, не бросающихся въ глаза тужуркахъ, цвѣта «хаки»...

Въ русскомъ консульствѣ, въ теченіе цѣлаго дня, — толкотня и давка.

Берется штурмомъ кабинетъ консула, куда, однако, впускаютъ по строгой очереди. Вице-консулъ и секретари не успѣваютъ отвѣчать на вопросы.

Просьбы тутъ—самыя разнообразныя. Просятъ размѣнять деньги, выдать деньги на проѣздъ въ Россію, указать безопасный путь.

Масса русской молодежи, изъ толпы которой слышится:

— Насъ должны отправить въ Россію! Мы подлежимъ призыву! Вотъ наши паспорта!

Денежныя просьбы въ первые дни совсѣмъ не удовлетворяются. Всѣмъ заявляютъ:

— Денегъ сейчасъ въ консульствѣ нѣтъ. Въ пятницу откроются банки, и тогда консульство, по мѣрѣ возможности, будетъ помогать.

Но тѣмъ, у которыхъ острая нужда, въ консульствѣ выдаютъ билетики на полученіе обѣдовъ и ночлега. А «острая нужда», къ сожалѣнію, у многихъ!

Въ канцеляріи консульства на стѣнахъ цѣлый рядъ объявленій.

«Организуется отрядъ русскихъ партизановъ. Записываться можно здѣсь, отъ 12 до 2 часовъ у господина съ національнымъ флажкомъ на груди».

«Открыта русская чайная (указанъ адресъ). Можно получать по самой дешевой цѣнѣ чай и холодныя закуски».

«Ежедневно, кромѣ среды, отходятъ пароходы изъ Нью-Кастля въ Бергенъ. Путь, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, совершенно безопасенъ».

Въ одинъ день сталкиваюсь въ консульствѣ съ дирижеромъ нашего Большого театра, Э. Куперомъ, въ настоящее время благополучно вернувшимся въ Москву.

— Вы какъ сюда попали?

— Такъ же, какъ и вы. Впрочемъ, вы гдѣ застряли?

— Въ Бельгіи!

Историческая библиотека РСФСР

— Ну, значитъ, вы счастливѣе меня. Мы съ женой изъ Карлсбада попали въ Берлинъ. Натерпѣлись немало. Я даже въ тюрьмѣ сидѣлъ. Пріѣхали сюда, въ чемъ были. Весь нашъ багажъ, тысячъ на шесть, пропалъ!...

Въ пятницу въ Лондонѣ открылись банки. Публика бросилась мѣнять деньги. Но тѣмъ, у которыхъ были нѣмецкія «марки», пришлось сильно разочароваться: нѣмецкія деньги наотрѣзъ отказывались мѣнять.

Русскія деньги охотно обмѣнивались въ Русскомъ для внѣшней торговли банкѣ.

Начали помогать и въ русскомъ консульствѣ. Открылся «Благотворительный фондъ для помощи русскимъ», подъ предсѣдательствомъ супруги посла, графини Беккендорфъ.

Въ Лондонѣ «застряли» и члены зубоврачебнаго конгресса, въ количествѣ 100 человѣкъ.

Изъ безвыходнаго положенія ихъ выручилъ великобританскій зубоврачебный союзъ, помогли фирмы, у которыхъ они всегда закупаютъ инструменты.

Съ каждымъ днемъ становилось все мучительнѣе ожидать. Когда же можно будетъ отправиться на родину?

И въ консульствѣ между собравшимися русскими каждый день шли совѣщанія.

Какой путь безопаснѣй? На Копенгагенъ, или на Бергенъ?

Общее мнѣніе склонялось на сторону Бергена.. Ѣхать на Копенгагенъ—рискуешь натолкнуться на «нѣмца».

Но въ консульствѣ категорически увѣряли, что путь на Копенгагенъ совершенно безопасенъ, и выдавали деньги на стоимость билета до Копенгагена.

Въ консульствѣ вывѣсили объявленіе:

«Каждый, желающій выѣхать изъ Англіи, долженъ заручиться разрѣшеніемъ министерства внутреннихъ дѣлъ».

Бросаемся въ министерство.

Здѣсь къ русскимъ опять-таки чрезвычайно любезное отношеніе.

Швейцаръ поднимаетъ насъ на лифтѣ кверху.

Тамъ насъ подхватываетъ мальчикъ и долго ведетъ по нескончаемымъ коридорамъ.

Къ намъ выходитъ чиновникъ. Мы объясняемъ ему въ чемъ дѣло.

— Вы желаете ѣхать на Копенгагенъ, или на Бергенъ?—спрашиваетъ онъ.

Мы говоримъ, какъ мы желаемъ ѣхать.

Насъ вводятъ въ комнату и любезно просятъ «присѣсть».

Отбираютъ паспорта, и не больше какъ черезъ десять минутъ каждый изъ насъ получаетъ требуемое разрѣшеніе. Никакой проволочки!

И каждый день вокзалъ Кингъ-Гроссъ, съ котораго уходятъ поѣзда въ Нью-Кастль, кишитъ уѣзжающими русскими.

Предстоитъ далекій, можетъ-быть, тяжелый путь.

Но что всѣ лишенія передъ перспективой очутиться на родинѣ?...

А «міровой городъ» продолжаетъ жить своей жизнью.

А въ лондонскихъ паркахъ продолжаютъ обучаться «новички».

На смѣну тысячамъ, вступающимъ въ полки, идутъ новыя тысячи, и кажется, что вся Англія становится «подъ знамена».

И въ обществѣ говорятъ:

— Мы должны уничтожить нѣмцевъ! И мы это сдѣлаемъ!

Съ чувствомъ большого удовлетворенія встрѣчается выпускъ правительствомъ новыхъ «фунтовыхъ» бумажекъ,

которыя въ національномъ банкѣ безпрепятственно обмѣниваются на золото, если вы этого пожелаете.

Много фабрикъ и промышленныхъ заведеній сокращаютъ производство.

Но «безработныхъ» нѣтъ, потому что всѣ разсчитанные рабочіе уходятъ въ армію, со спокойнымъ сознаніемъ, что государство прокормитъ ихъ семьи.

Такъ живетъ Лондонъ «въ дни войны».

Изъ Ньюкастля въ Стокгольмъ.

Въ 10 часовъ утра изъ Лондона въ Ньюкастль отходитъ «русскій поѣздъ».

Его смѣло можно такъ назвать, потому что всѣ вагоны переполнены русскими, и англичане среди нихъ совершенно теряются.

И почти всѣ между собою знакомы. Еще бы! Вѣдь, въ эти томительные дни, проведенные въ «міровомъ городѣ», почти каждый день приходилось встрѣчаться въ консульствѣ, сообща обсуждать создавшееся положеніе, изыскивать способы къ скорѣйшему возвращенію на родину...

Интересно, кстати, отмѣтить, что

русскіе, члены зубоврачебнаго конгресса застрявшіе въ Лондонѣ,—устроили свой «митингъ» въ Гайдпаркѣ, на которомъ обсуждали свое положеніе и говорили патріотическія рѣчи.

Они послали въ Ньюкастль своего «передового», который запасся тамъ для нихъ мѣстами на пароходъ.

Неожиданно мы, уѣзжавшіе въ Ньюкастль, уже на вокзалѣ въ Лондонѣ узнали довольно непріятную новость:

— Пароходная компанія, совершающая рейсы между Ньюкастлемъ и Бергеномъ, набавила по два фунта на билетъ!

Сюрпризецъ получился не изъ веселенькихъ. У большинства каждый шиллингъ былъ высчитанъ, и разница въ 20 рублей перевертывала вверхъ дномъ весь намѣченный путевой «бюджетъ».

Но разсуждать было некогда. Только-бы попасть на пароходъ,—а тамъ что Богъ дастъ!

Въ Ньюкастль поѣздъ мчится съ быстротой 60-ти километровъ въ часъ...

Прямо съ вокзала, забравъ багажъ, отправляемся на пристань, которая находится въ довольно далекомъ разстояніи.

Пароходъ уйдетъ въ 11 часовъ ве-

чера, а сейчасъ только 5. Но намъ, русскимъ, не до осмотра города. Скорѣй на пристань!

Пристань въ Ньюкастлѣ представляетъ собою, громадный, полутемный сарай, довольно грязный, заваленный тюками товара и пассажирскимъ багажемъ.

У пристани уже дымитъ пароходъ подъ норвежскимъ флагомъ.

Пароходъ не такихъ большихъ размѣровъ, какимъ мы его представляли, довольно грязная, видавшая виды, «посудина».

Мѣста на пароходѣ уже всѣ заранѣе росписаны, каютъ нѣтъ, но тѣмъ не менѣе касса осаждается жаждующими попасть на этотъ рейсъ: кто знаетъ, что можетъ случиться завтра?

И, получая съ васъ 60 рублей за билетъ, въ кассѣ предупреждаютъ:

— Имѣйте въ виду, что мѣста вы имѣть не будете! Но на табль д'отъ вы имѣете право!

На пароходъ не пускаютъ.

— Раньше десяти часовъ, — заявляютъ намъ, — впускъ на бортъ не начнется!

— Но почему-же такъ долго ждать?

— Только въ десять часовъ пріѣдетъ

чиновникъ для провѣрки документовъ.

И мы остаемся терпѣливо ждать въ этомъ жуткомъ сараѣ. Сидятъ на ящикахъ, на мѣшкахъ, на собственномъ багажѣ.

А публика все прибываетъ.

Во всѣхъ углахъ сарая слышится русская рѣчь. Элегантныя дамы въ модныхъ манто, позабывъ свою брезгливость, примащиваются на грязныхъ ящикахъ, на большихъ, десятичныхъ вѣсахъ, приходится сидѣть даже на толстыхъ канатахъ...

Всѣ голодны, но вблизи — ни ресторана, ни кафэ.

Отряжаютъ «нарочныхъ» за покупкою хлѣба, яицъ, ветчины. И когда это приносятъ, — спѣшно дѣлаютъ бутерброды и по-братски дѣлятся другъ съ другомъ.

Одинъ господинъ отправился «искать кафэ».

И вернулся часа черезъ два съ половиной.

— Гдѣ-же вы такъ долго пропадали? спрашиваютъ его.

— Былъ задержанъ и доставленъ въ полицію.

— Да за что-же?

— Ходилъ по улицамъ и смотрѣлъ

на вывѣски: не встрѣтится-ли кафэ. Ну, подошелъ «боби», и, принявъ меня, очевидно, за шпіона, поташилъ въ полицію. И только тамъ, послѣ тщательнаго осмотра моихъ документовъ, меня отпустили.

Темнѣетъ. Этотъ невольный «плѣнъ» въ мрачномъ сараѣ становится все невыносимѣй!

Вспыхиваетъ электрическій фонарь. Но всего сарая онъ не освѣщаетъ, и жуткій мракъ сгущается по угламъ....

Въ десятомъ часу является съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемый англійскій чиновникъ.

Всѣ вскакиваютъ.

Сразу поднимается суматоха.

Сарай съ двухъ сторонъ задвигается большими деревянными щитами.

Въ той сторонѣ, которая выходитъ на пристань, оставляется маленькій проходъ, въ который можетъ протиснуться только одинъ человѣкъ.

По другую сторону ставятъ столикъ, за которымъ усаживаются чиновникъ, капитанъ парохода и еще какихъ-то два англичанина.

Начинается ужасная давка. Передніе напираютъ на заднихъ, каждому хочется скорѣе «протиснуться».

Начинается томительная, которой, кажется, конца не будетъ, процедура. Пропускаютъ по одному человѣку.

Тщательно осматриваютъ паспорта, разрѣшеніе на выѣздъ изъ Англіи, выданное изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ Лондонѣ.

Имя каждаго пассажира, его профессія, годы, постоянное мѣстожительство тщательно заносятся въ особый списокъ.

— Зачѣмъ это записываютъ?—спрашиваетъ кто-то по-англійски у капитана.

— На случай, если судно пойдетъ ко дну. Чтобы были извѣстны имена погибшихъ пассажировъ! — невозмутимо отвѣчаетъ капитанъ, типичный бритый норвежецъ.

Многимъ отъ этого «спокойнаго» отвѣта дѣлается жутко.

Одинадцать часовъ. Всѣ пассажиры приняты на бортъ.

Пароходъ набитъ пассажирами, какъ бочка сельдями.

Заняты не только всѣ каюты, но «расписаны» мѣста на диванчикахъ во всѣхъ рубкахъ, въ столовой, и даже въ капитанской рубкѣ...

Въ трюмѣ, гдѣ помѣщаются мат-

росы, тоже устроены «мѣста». Сюда натаскали тюфяковъ и разложили ихъ, рядышкомъ, на полу.

Но запасшіеся даже такимъ «мѣстомъ» считаютъ себя счастливцами.

Многимъ продстоитъ перспектива провести двѣ ночи на палубѣ, гдѣ свободно гуляетъ вѣтеръ, ударяютъ о борта парохода разъяренныя волны...

... Пароходъ отходитъ въ полночь. И пока онъ идетъ мимо городскихъ укрѣпленій, — его все время «ощупываютъ» прожекторы стоящихъ здѣсь англійскихъ боенныхъ крейсеровъ.

Весь слѣдующій день населеніе парохода проводитъ въ самомъ тревожномъ настроеніи.

У всѣхъ—только одна тема разговора.

— Встрѣтятся намъ нѣмцы, или нѣтъ?

Разспрашиваютъ капитана.

Тотъ, флегматично сося трубку, говоритъ:

— Рискъ, безусловно, есть. Если насъ замѣтятъ нѣмецкія суда,—а это можетъ случится, — то мужчинъ безусловно снимутъ, можетъ достаться и мнѣ, какъ капитану этого судна.

— Но мы же идемъ подъ нейтральнымъ, норвежскимъ флагомъ?

— Не думаю, чтобы нѣмцы стали церемониться и съ норвежскимъ флагомъ!...

Можете себѣ представить, какъ дѣйствуютъ эти слова на насъ, русскихъ!

А передъ вечеромъ мы переживаемъ часъ дѣйствительно жуткой тревоги.

На горизонтѣ вдругъ обрисовываются пять дымковъ! А черезъ четверть часа можно различить и очертанія судовъ. Несомнѣнно, военные крейсера!

Капитанъ смотритъ въ бинокль.

— Ну, что? Не нѣмецкія?—забрасываютъ его со всѣхъ сторонъ вопросами.

— Нельзя еще различить флаговъ. Можетъ, и нѣмецкія. Если не послѣдуетъ предупредительнаго холостого выстрѣла, приказывающаго намъ остановиться,—то, значитъ, это англійскія суда!

Выстрѣла не послѣдовало, дымки изчезли. Всѣ вздохнули свободнѣе.

Еще одна ночь съ сильной качкой, а утромъ потянулись спокойные фіорды Норвегіи.

Зазеленѣли берега страны, гдѣ нѣтъ еще ни войны, ни мобилизаціи...

Въ три часа насъ встрѣтилъ мирный Бергенъ.

Разомъ просвѣтлѣли лица, оживился разговоръ, зазвучалъ даже смѣхъ,—такъ давно насъ оставившій спутникъ!..

Въ семь часовъ вечера поѣздъ увозилъ насъ изъ Бергена въ Христіанію.

А на другой день, вечеромъ, мы высадились на вокзалѣ въ Стокгольмѣ.

И сознаніе, что мы уже не такъ далеко отъ родины, дало намъ возможность спокойно заснуть въ эту ночь.

А у насъ у всѣхъ, вѣдь, такъ давно не было спокойныхъ ночей!..

Послѣдній этапъ.

Послѣдній нашъ этапъ, положившій конецъ нашимъ мытарствамъ, — Стокгольмъ — Раумо — Петроградъ.

На пути отъ Бергена до Стокгольма мы не имѣли даже времени отдать себѣ отчета: какъ относятся здѣсь къ русскимъ бѣглецамъ? Въ Бергенѣ не успѣли оглянуться, а до Стокгольма провели все время въ вагонѣ.

И только утромъ, проснувшись въ гостиницѣ и выйдя на шумную площадь передъ стокгольмскимъ вокзаломъ,—мы сразу, почувствовали, что находимся въ дружественной атмосферѣ.

Уже въ вестибюлѣ гостиницы бросился въ глаза плакатъ съ крупной надписью: «Русская помощь».

— Гдѣ эта «Русская помощь» помѣщается?—спрашиваю солиднаго портье.

— Здѣсь же. Отъ 12-ти часовъ здѣсь дежурятъ русскія дамы-патронессы и помогаютъ своимъ соотечественникамъ. Никогда еще Стокгольмъ не видалъ столько русскихъ, сколько въ эти дни. Тысячами пріѣзжаютъ!

И добавилъ, уставивъ на меня глаза, въ которыхъ свѣтится самое искреннее сочувствіе:

— Скажите, а васъ нѣмцы не мучили?

— Нѣтъ, слава Богу. Мы застряли въ Бельгіи!

— Ну, слава Богу! А то тутъ пріѣзжаютъ, — такіе ужасы разсказываютъ!

Въ русскомъ консульствѣ неимущимъ даютъ билеты на пароходъ до Раумо и по 10 кронъ.

Болѣе существенную помощь можно получить въ русской миссіи.

Пароходъ отъ стокгольмской пристани отходитъ въ 2 часа дня. Разумѣется, биткомъ набитый. И опять для многихъ—перспектива провести ночь на палубѣ.

Тема разговоровъ среди пассажи-

ровъ — одна и та же: безопасность пути.

— Правда, что на Аландскихъ островахъ сейчасъ нѣмцы? — спрашиваютъ у капитана.

— Сейчасъ — ни одного! Но нѣсколько времени тому назадъ они, дѣйствительно, тамъ были!

— А, можетъ быть, ихъ все-таки немножко тамъ осталось?—допытываются болѣе трусливые...

Стокгольмскія шхеры, вплоть до выхода въ открытое море — минированы.

Когда подходитъ катеръ съ лоцманомъ, который долженъ провести пароходъ въ мѣстахъ минныхъ загражденій, — на пароходѣ раздается команда:

— Всѣ внизъ!

И пассажиры, какъ вспугнутое стадо овецъ, устремляются въ трюмъ...

И жутко тамъ сидѣть и стоять, пока пароходъ «проводятъ по минамъ».

— Ахъ, Боже мой! — вздыхаетъ какая-то дама. — Вѣдь, лоцманъ тоже можетъ ошибиться. И вдругъ нашъ пароходъ на мину наскочитъ! Ахъ, я такъ боюсь. Со мной здѣсь — дѣти!..

И когда сверху раздается голосъ помощника капитана:

— Можно выходить!

Изъ сотней грудей вырывается вздохъ облегченія.

«Гонятъ внизъ» разъ пять.

И когда помощникъ капитана заявляетъ:

— Это въ послѣдній разъ!

Настроеніе сразу мѣняется.

И уже, повеселѣвшіе, успокоенные, пассажиры высыпаютъ на палубу.

Кончились шхеры, промелькнулъ послѣдній маякъ...

Мы—въ открытомъ морѣ.

Совсѣмъ не спалось въ эту послѣднюю ночь на морѣ.

Во-первыхъ, качало довольно изрядно.

Во-вторыхъ — такъ страстно хотѣлось, чтобы скорѣе настало утро!

Вѣдь утромъ мы будемъ, почти на родной землѣ — въ Финляндіи! Въ какихъ-нибудь 17-ти часахъ ѣзды отъ Петрограда!

И вотъ прошла эта ночь и показались суровые, каменистые берега Финляндіи.

Въ 7 часовъ утра мы пристали къ Раумо.

Томительная процедура провѣрки паспортовъ, и мы — на берегу.

И сразу натыкаемся на пріятный сюрпризъ.

Финляндія приготовилась къ пріему возвращающихся на родину русскихъ.

Небольшой городокъ Раумо первый предложилъ русскимъ свою «хлѣбъ-соль».

На пристани, въ большомъ деревянномъ баракѣ — питательный пунктъ.

Здѣсь отпускаютъ всѣмъ желающимъ безплатно чай, кофе, закуски.

Дамы-финки и какіе-то молодые люди хлопочутъ около дѣтворы.

Торопятся накормить дѣтей, варятъ для нихъ на спиртовкахъ супъ, манную кашу...

Русскій жандармъ въ финляндской формѣ, съ широко расплывающейся по лицу улыбкой, обращается къ выходящимъ съ парохода пассажирамъ:

— Пожалуйте, господа! Кому подкрѣпиться угодно? Пожалуйте, угощайтесь! Все безвозмездно! Отъ города!

Отъ пристани спеціальный поѣздъ отвозитъ публику на станцію «Раумо», гдѣ надо запасаться билетами на петроградскій поѣздъ.

Но многіе, чтобы раньше запастись билетами, спѣшатъ уѣхать на станцію на извозчикахъ и въ автомобиляхъ.

Отъ Раумо поѣздъ уходитъ въ составѣ больше сорока вагоновъ.

И, разумѣется, каждый вагонъ биткомъ набитъ и заваленъ ручнымъ багажомъ.

Но на тѣсноту и неудобства никто ужъ не обращаетъ вниманія.

Вѣдь, мы ужъ дома! Всѣ мытарства, всѣ лишенія остались тамъ, позади!

А поѣздъ, какъ нарочно, ползетъ, какъ улитка. Чуть ли не черезъ каждые полчаса — томительныя и долгія остановки.

На пути — масса воинскихъ поѣздовъ. Везутъ запасныхъ, и публика, высовываясь изъ оконъ, и стоя на площадкахъ, — встрѣчаетъ ихъ дружнымъ «ура»...

На остановкахъ маленькія, чистенькія финляндскія станціи, — тѣ, гдѣ есть буфетъ, — подвергаются стремительному «штурму».

Приступомъ берутся стойки, занимаются мѣста передъ столами, изъ рукъ у буфетчицъ вырываются бутерброды, стаканы съ чаемъ, горячія блюда...

И когда поѣздъ уходитъ дальше, въ буфетахъ — полное «опустошеніе». Не остается даже маленькой корки хлѣба!..

Только на другое утро послѣ отъѣзда изъ Раумо становится извѣстно, что въ Петроградъ мы будемъ ѣхать не 17 часовъ, а... 36!

Но насъ, видавшихъ по дорогѣ и не такіе «виды»,—это обстоятельство очень мало огорчаетъ.

Передъ Таммерфорсомъ по поѣзду проходитъ жандармъ и отбираетъ паспорта.

И въ Таммерфорсѣ мы ждемъ около двухъ часовъ возвращенія паспортовъ.

Скоро Выборгъ...

По вагонамъ проходятъ кондуктора, и плотно занавѣшиваютъ окна. Причемъ предупреждаютъ:

— Сидите смирно и не выглядывайте!

Миновали Выборгъ.

Въ Бѣлоостровѣ опять — провѣрка паспортовъ и очень поверхностный осмотръ багажа.

Потянулись дачныя мѣстности подъ Петроградомъ.

Праздничный день, — въ Теріокахъ вся платформа усѣяна тысячной толпой. Поѣздъ съ «возвращающимися» встрѣчается восторженно, дачники машутъ платками и кричатъ:

— Съ пріѣздомъ!

Въ десятомъ часу вечера поѣздъ приходитъ на Финляндскій вокзалъ.

И тутъ — такая «встрѣча», которую, кажется, всю жизнь не забудешь.

На перронѣ буквально — тысячная толпа. Мы проходимъ между двумя живыми стѣнами.

Здѣсь все — тѣ, у которыхъ за-грани-

цей «застряли» родные и близкіе, и отъ которыхъ нѣтъ никакихъ вѣстей.

Насъ буквально рвутъ на части и закидываютъ вопросами.

— Гдѣ вы были? Не видали ли того-то! Не слыхали ли о томъ-то?

Какая-то дама мечется отъ одного пассажира къ другому и спрашиваетъ:

— Вы не знаете, изъ Австріи выпускаютъ женщинъ?

Въ толпѣ люди съ плакатами въ рукахъ:

«Помощь возвращающимся изъ-за границы отъ городского самоуправленія».

«Еврейская община. Помощь возвращающимся».

Студенты со значками на груди останавливаютъ насъ вопросами:

— Не нуждаетесь ли въ помощи? Есть ли у васъ гдѣ ночевать? Не надо ли вамъ денегъ?..

И отъ этой картины такого теплаго, братскаго отношенія, и отъ этихъ, допытывающихся о своихъ близкихъ людей,— мучительно замираетъ сердце, на глаза навертываются слезы, и хочется истерически закричать...

И только тутъ начинаешь понимать какое это великое слово:

— Родина!

Утромъ Петроградъ встрѣчаетъ насъ яркимъ солнцемъ и бодрымъ настроеніемъ.

Трехнедѣльный кошмаръ разсѣялся...

Мы — дома!

Слава Богу!

И, кажется, никогда не тянулся такъ долго путь отъ Петрограда до Москвы, какъ въ эту послѣднюю ночь «скитаній»!

У консуловъ.

Никогда еще русскимъ гражданамъ не приходилось такъ тѣсно соприкасаться съ нашими заграничными консулами, какъ въ этомъ году.

Война, захватившая ихъ за рубежомъ, и отрѣзавшая имъ путь на родину,—заставила ихъ прежде всего броситься:

— Къ консулу!

Потому что, къ кому же еще на чужбинѣ обратиться за первой помощью, за совѣтомъ и указаніями?

Въ чужой странѣ, среди чужихъ людей, часто безъ знанія языка, — первая мысль, которая рождается въ мозгу,— это:

— Скорѣе въ русское консульство!

Тамъ мнѣ готовы и защита, и покровительство!

Сейчасъ, когда уже масса застрявшихъ вернулась на родину, — въ печати стали появляться разсказы этихъ вернувшихся о томъ, какое отношеніе къ себѣ они встрѣтили со стороны нашихъ консуловъ.

Большинство отзывовъ — не въ ихъ пользу.

Одни жалуются на совершенно равнодушное отношеніе къ нимъ, другіе — на значительно меньшее сочувствіе, чѣмъ было разсчитано, третьи не скрываютъ даже того факта, что съ ними консулы были грубы и невнимательны.

Мнѣ въ эти дни «бѣгства въ Россію» пришлось три раза встрѣчаться съ консулами, обивать пороги консульствъ въ Антверпенѣ, Лондонѣ и Стокгольмѣ.

Въ Антверпенѣ мы, русскіе бѣглецы изъ Бельгіи, попали когда уже Германія объявила войну Россіи, и нѣмецкія полчища начали свое движеніе на Бельгію.

Антверпенъ встрѣтилъ насъ улицами, по которымъ дефилировали войска и перевозились на собакахъ миніатюрныя пушки-скорострѣлки. Улицы и кафэ были наполнены воинственно-настроенной толпой.

Мы бросились въ русское консульство. Въ Антверпенѣ генеральнаго консульства нѣтъ, но мы ни минуты не сомнѣвались, что и «обыкновенный» консулъ сдѣлаетъ для насъ все, что возможно.

У насъ была одна большая надежда: не отправитъ ли насъ консульство на пароходѣ, который совершаетъ рейсы между Антверпеномъ и Петроградомъ? Изъ газетныхъ объявленій мы знали, что такіе пароходы отходятъ по вторникамъ.

Консула не было, а секретарь его, очевидно, фламандецъ, хотя и объяснялся по-русски, но положительно ничего утѣшительнаго намъ сказать не могъ, кромѣ:

— Подождите, господа, сейчасъ пріѣдетъ консулъ!

Наконецъ, пріѣхалъ господинъ, чисто выбритый, но не съ совсѣмъ чистой русской рѣчью. Мы обступили его, умоляя дать намъ точныя свѣдѣнія о пароходѣ, прося размѣнять намъ деньги.

— Денегъ у меня, господа, нѣтъ. Могу вамъ обмѣнять марокъ по десяти, не больше. А на счетъ парохода я долженъ съѣздить въ портъ и узнать.

— А развѣ вы не можете справиться по телефону?

Оказалось, что — не можетъ. По очень

простой причинѣ: въ консульствѣ нѣтъ телефона!..

Онъ уѣхалъ, а мы, съ сильно бьющимися сердцами, остались ожидать его возвращенія. Какую-то вѣсть онъ намъ привезетъ изъ порта!

Этотъ часъ показался намъ за годъ.

Наконецъ, онъ пріѣхалъ, и, не говоря никому ни слова, быстро прошелъ въ свой кабинетъ.

Мы, горя отъ нетерпѣнія, тѣсной толпой буквально ворвались туда. И, взглянувъ на серьезное лицо консула, сразу поняли, что ничего утѣшительнаго онъ намъ не скажетъ. Такъ и оказалось.

— Господа, — объявилъ онъ намъ, — изъ порта больше ни одинъ пароходъ не выйдетъ. Потомъ я сейчасъ узналъ, изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что черезъ семь часовъ нѣмцы будутъ здѣсь. Если вы не хотите сдѣлаться военноплѣнными, — то немедленно уѣзжайте отсюда въ Остенде: оттуда есть возможность перебраться въ Лондонъ!

— А деньги? Размѣняйте намъ хоть деньги! — послышались крики.

— Я уже вамъ сказалъ, что денегъ у меня нѣтъ. Франковъ по двадцати могу выдать въ обмѣнъ на марки.

Вотъ и вся «помощь», которая намъ

была оказана русскимъ консуломъ въ Антверпенѣ.

А относительно «достовѣрныхъ» свѣдѣній о томъ, что нѣмцы будутъ черезъ семь часовъ въ Антверпенѣ, — можете судить по тому, что ихъ еще и теперь тамъ нѣтъ.

Въ Лондонѣ генеральное консульство, каждый день осаждало не меньше 300—400 человѣкъ.

«Добиваться консула» было очень трудно. И самымъ упорнымъ препятствіемъ къ этому являлся... вице-консулъ съ нѣмецкой фамиліей и съ моноклемъ въ глазу.

Передъ каждымъ, направлявшимся къ дверямъ консульскаго кабинета, онъ выросталъ неожиданно, съ грознымъ окликомъ:

— Вы куда! Къ консулу сейчасъ нельзя. Онъ занятъ. Вонъ запишитесь на записочкѣ, въ очередь, и завтра приходите!

Многимъ приходилось околачивать пороги консульства по недѣлямъ, пока они добивались какого-нибудь толка.

Одинъ изъ такихъ горемыкъ разсказывалъ мнѣ:

— Добился я, наконецъ, консула. Предсталъ предъ его ясныя очи. «Дайте мнѣ ссуду для проѣзда въ Россію!»—

прошу. Консулъ протягиваетъ мнѣ какую-то записочку. «Вотъ вамъ адресъ пароходной компаніи. Пойдите и узнайте, сколько стоитъ третій классъ до Копенгагена, принесите оттуда официальную справку, и мы вамъ выдадимъ на дорогу». А я въ Лондонѣ безпомощенъ, какъ ребенокъ. Ни языка не знаю, ни улицъ! Мнѣ кажется, въ консульствѣ должны быть извѣстны и маршруты, и цѣны...

Французское консульство въ Лондонѣ помѣщается рядомъ съ русскимъ,—черезъ нѣсколько домовъ. И я, проходя ежедневно мимо французскаго консульства, ни разу не видалъ тамъ такой толчеи, какъ у нашего. А между тѣмъ французовъ въ Лондонѣ въ эти дни «застряло» не меньше, чѣмъ русскихъ.

Въ Стокгольмѣ русскіе встрѣтили въ консульствѣ самый радушный пріемъ и теплое участіе.

Консульство работало тутъ рука-объ-руку съ русской миссіей.

Да и сами шведы на каждомъ шагу оказывали помощь русскимъ «бѣглецамъ».

Съ деньгами—безъ денегъ.

Въ этомъ рѣдкомъ и даже исключительномъ положеніи очутились тысячи русскихъ за границей въ тотъ моментъ, когда вспыхнула европейская война.

Люди, легшіе спать наканунѣ со спокойнымъ сознаніемъ, что у нихъ въ бумажникахъ и въ кошелькахъ имѣются деньги, — проснувшись утромъ, вдругъ узнали, что они очутились

— Безъ денегъ!

Это положеніе съ деньгами—безъ денегъ я началъ наблюдать (и самъ на себѣ испыталъ) въ Бельгіи, на морскомъ курортѣ, и на дальнѣйшихъ утомительныхъ этапахъ Остенде--Фолькстонъ - Лондонъ.

Публика, проводившая время на бельгійскихъ курортахъ, имѣла при себѣ нѣмецкія деньги, привезенныя изъ Германіи.

И съ размѣномъ ихъ не спѣшили, мѣняли столько, сколько нужно было на текущіе расходы: вѣдь обратно придется ѣхать черезъ Германію!

Многіе нарочно берегли деньги «на Берлинъ», чтобы на обратномъ пути сдѣлать тамъ покупки.

Курсъ все время стоялъ хорошій: за

100 марокъ давали въ банкахъ и мѣняльныхъ лавкахъ 122 франка съ половиной.

И вдругъ пришедшимъ мѣнять деньги заявляютъ:

— Не мѣняемъ!

— Почему?

— Биржи нѣтъ, курса нѣтъ, мы дѣлали запросъ въ Брюссель,—намъ ничего не отвѣчаютъ.

А черезъ день—новый сюрпризъ: въ Бельгіи перестали принимать... бельгійскія деньги! 20-ти франковыя кредитки возвращали обратно, какъ никуда негодную ветошь...

— Что это значитъ? — изумлялись русскіе, французы и англичане. — Мы вамъ платимъ вашими государственными кредитками, а вы не берете! Это неслыханно!

— Мы не можемъ теперь принимать бумажекъ! Платите звонкой монетой!

Разумѣется, тѣ, которымъ приходилось уплачивать долги, брали и бумажки, ибо имъ категорически заявляли:

— Берите, что даютъ!

Но въ ресторанахъ, въ кассахъ желѣзныхъ дорогъ и въ почтовыхъ учрежденіяхъ—не брали.

Въ Брюсселѣ въ одномъ первоклассномъ ресторанѣ на этой почвѣ разы-

грался колоссальный скандалъ, поднятый группой русскихъ туристовъ, съ которыхъ за обѣдъ не хотѣли получать бумажными деньгами.

На сторону рускихъ стала присутствовавшая въ ресторанѣ остальная публика, и даже явившаяся полиція указала содержателю ресторана на всю неблагопристойность его поступка...

Билеты на желѣзныхъ дорогахъ и на пароходахъ брали «въ складчину», подгоняли такъ, чтобы не надо было получать сдачу.

До чего «пали» нѣмецкія деньги, можно судить по тому, что завзятые ростовщики не соглашались ихъ брать даже за треть стоимости.

При мнѣ одинъ господинъ едва добился, чтобы ему, за сторублевую русскую бумажку дали... 25 франковъ звонкой монетой!...

По Лондону, какъ тѣни, бродили люди, у которыхъ въ карманахъ лежали на двѣ-три тысячи бумажныхъ нѣмецкихъ ассигнацій, или аккредитивы на крупную сумму

Нѣмецкія деньги равнялись простой, оберточной бумагѣ, а съ аккредитивами некуда было обращаться: банки закрыты.

Въ консульствѣ я столкнулся со зна-

комымъ крупнымъ московскимъ коммерсантомъ.

— Вы зачѣмъ здѣсь?—спрашиваю.

— Пришелъ раздобыть у консула хоть фунта два. Если я сегодня не заплачу въ гостиницѣ,—завтра насъ съ женой выселятъ, и придется очутиться на улицѣ: у меня ни души знакомой въ Лондонѣ нѣтъ!

— Вы совсѣмъ безъ денегъ?

Коммерсантъ вынулъ изъ бокового кармана объемистый бумажникъ, наполненный «марками», и показалъ мнѣ аккредитивную книжку Ліонскаго кредита.

— Вотъ что у меня есть. Но съ этимъ сейчасъ въ Лондонѣ можно только голодать!

При встрѣчѣ со знакомыми, не стѣсняясь, спрашивали:

— Послушайте, не слыхали-ли вы, нѣтъ-ли тутъ какого нибудь ростовщика? Я бы ему за безцѣнокъ свои марки отдалъ!

Это были такіе дни, когда сами англичане, въ своемъ родномъ городѣ, вдругъ очутились безъ денегъ...

Въ своихъ кассахъ англичане не держатъ большихъ денегъ. Всѣ ихъ капи-

талы лежатъ въ банкахъ на текущемъ счету.

И вдругъ банки закрылись на цѣлую недѣлю. Дошло до того, что фабрикантамъ въ опредѣленный день нечѣмъ было разсчитывать рабочихъ.

А послѣ того, какъ открылись банки,—одинъ владѣлецъ фанерной фабрики, русскій,—разсказывалъ мнѣ:

— Чертъ знаетъ, какое положеніе! Банки ограничили сумму выдачи вкладовъ. Если у васъ, скажемъ, на текущемъ счету тысяча фунтовъ, и вы попросите пятьсотъ,—вамъ не даютъ. «Возьмите, говорятъ, триста. Сейчасъ, въ данный моментъ больше выдать не можемъ. Придется вамъ подождать нѣсколько дней!». А я на своей фабрикѣ сократилъ работу, и мнѣ надо выдать рабочимъ жалованье.

Я видѣлъ въ Лондонѣ русскихъ богачей, которые ходили обѣдать чуть ли не въ харчевни, поясняя свое положеніе:

— Каждый пенсъ, батенька, экономить приходится. Шиллинговъ въ кошелькѣ очень немного, а Богъ знаетъ, когда можно будетъ по аккредитиву деньги получить!

Потомъ все это помаленьку наладилось. Стали выдавать по аккредитивамъ, стали мѣнять деньги... кромѣ нѣмецкихъ

и встрійскихъ: хоть стѣны ими оклеивай!

Когда у нѣкоторыхъ появились деньги, — то соотечественники стали помогать другъ другу. Бывали случаи, что давали заимообрзно совершенно незнакомому человѣку, записывали только имя и адресъ.

Многіе москвичи вернулись домой съ порядочнымъ запасомъ нѣмецкихъ марокъ.

И лежатъ сейчасъ эти бумажки въ несгораемыхъ шкафахъ и ящикахъ письменныхъ столовъ.

Лежатъ и «дожидаются курса».

Охъ, дождутся ли только?

Весьма сомнительно!...

И, во всякомъ случаѣ,—нескоро...

Мать.

Замеревъ у него на груди,
Все шептала слова и молитвы...
«На врага безъ боязни иди,
Будь героемъ средь грохота битвы!»
Поѣздъ скрылся во мракѣ ночномъ,
Пролетѣли минуты прощанья...
И, его осѣнивши крестомъ,
Мать ушла, затаивши рыданья...
Потянулись унылые дни,
Какъ пески въ безконечной пустынѣ...
Приносили такъ мало они
Ей вѣстей объ уѣхавшемъ сынѣ!..
Ахъ, какъ было мучительно ждать
Отъ тревожнаго дня до другого!
И во снѣ только видѣла мать
Очертанья лица дорогого...
Просыпалась... «Господь защититъ!»
Пересохшія губы шептали...
Получилось извѣстье: «Убитъ».
Замерла въ безысходной печали...
Но, страданья въ душѣ затая,
И сложивши молитвенно руки
«Буди, Господи, воля Твоя!»

Прошептала, осиливши муки.
«Вотъ. Вашъ сынъ палъ въ бою, какъ герой»!
Показали ей послѣ газету...
И ушла «милосердной сестрой»
Въ «Красный Крестъ» эта мать по обѣту.
Вся любви безконечной полна,
И найдя утѣшенье въ молитвѣ,—
Въ каждомъ раненомъ видитъ она
Сына, павшаго въ доблестной битвѣ!..

Картинка.

Посмотри: въ избѣ мерцая,
Свѣтитъ огонекъ,
Возлѣ дѣвочки-малютки
Собрался кружокъ...
А. Майковъ.

Посмотри: въ гостиной модной—
Яркій свѣтъ огней,
И тепличными цвѣтами
Пряно пахнетъ въ ней.
А въ гостиной—не собранье,
И не «файфъ-о-клокъ»:
Возлѣ воина-солдата
Собрался кружокъ.
Въ славномъ «дѣлѣ» подо Львовомъ
Раненъ былъ въ бою,
И теперь онъ повѣряетъ
Исповѣдь свою.
«Господа» въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ,
Увлекаетъ ихъ разсказомъ
Раненый солдатъ.
И всплываютъ, какъ живые,
Изъ туманной мглы
Наши воины лихіе,
Удальцы-орлы!..
«Не боимся супостата!—
Говоритъ солдатъ:
Посмотрѣли-бъ, какъ дерется
Нашъ товарищъ-братъ!
Эхъ, у насъ въ сердцахъ отвага
Очень велика!

Не выноситъ непріятель
Русскаго штыка!
Какъ ударимъ мы въ атаку—
Австріякъ бѣжать!
Или бухнетъ на колѣни:
Въ плѣнъ, вишь, проситъ взять!
И уводимъ мы тутъ, значитъ,
Тысячами ихъ,
Потому что натискъ русскій
Знаменитъ и лихъ!
Самъ не помню я, какъ дрался
Тамъ въ сплошномъ огнѣ...
Прострѣлила вражья пуля,
Значитъ, руку мнѣ.
Ну, упалъ я тутъ. А было
Это среди дня.
Подхватили санитары,
И на пунктъ меня.
Эхъ, скорѣй бы заживала!
Стыдно, господа,
Прохлаждаться здѣсь безъ дѣла:
Тянетъ все туда!»

. . . . . .

Тишина въ гостиной модной,—
Слушаютъ—молчатъ...
И въ колосса выростаетъ
Русскій нашъ солдатъ.
Незатянутая рана,—
А ужъ снова въ строй
Въ простотѣ своей великой
Рвется нашъ герой!..

Магазин 14 3 —
8 р.

Маг. 28
3 р.

с 1.1-1961 г.
цена — р. 30 к.

28-10